

А.О. Виноградов, П.В. Трощинский, И.К. Мамыкин

ЗАКОН КНР О ВНЕШНИХ СВЯЗЯХ КНР

Аннотация. В июне 2023 г. в КНР был принят Закон о внешних связях — первый в своей практике нормативно-правовой акт, определяющий рамки работы участников внешнеполитической деятельности. Ряд положений нового Закона КНР, в том числе в части фундаментальных принципов построения и целей внешней политики, имеет сходство с подходами, содержащимися в российской Концепции внешней политики.

Ключевые слова: КНР, закон о внешних связях, международные отношения, ВСНП, Си Цзиньпин.

Авторы: Виноградов Андрей Олегович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель руководителя Центра социально-экономических исследований Китая, руководитель Экспертно-аналитической молодежной лаборатории, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-4256-2381.
E-mail: vinogradov_ao@iccaras.ru

Трощинский Павел Владимирович, кандидат юридических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-8837-1097.
E-mail: troshc@iccaras.ru

Мамыкин Иван Константинович, младший научный сотрудник, Центр мировой политики и стратегического анализа, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва,

Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-8076-3718. E-mail: mamykin@iccaras.ru

Vinogradov A.O., Troshchinsky P.V., Mamykin I.K.

Foreign Relations Law of the People's Republic of China

Abstract. In June 2023, the PRC adopted the Law on External Relations — the first regulatory act in its practice that defines the framework for the work of participants in foreign policy activities. A number of provisions of the new PRC Law, including in terms of fundamental principles of the construction and goals of foreign policy, are similar to the approaches contained in the Russian Foreign Policy Concept.

Keywords: China, foreign relations law, international relations, NPC, Xi Jinping.

Authors: Andrey O. Vinogradov, Ph.D. (History), Head of the Expert and Analytical Center for East and Southeast Asia, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4256-2381. E-mail: vinogradov_ao@iccaras.ru

Pavel V. Troshchinskiy, Ph.D. (Law), Head at the Center for Policy Research and Forecasts, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8837-1097. E-mail: troshc@mail.ru

Ivan K. Mamykin, Junior Research Fellow, Center for World Politics and Strategic Analysis, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-8076-3718. E-mail: mamykin@iccaras.ru

28 июня 2023 г. Всекитайское собрание народных представителей приняло «Закон Китая о внешних связях» — первый в своей практике нормативно-правовой акт, определяющий рамки работы участников внешнеполитической деятельности. Документ, состоящий из 45 статей, объединенных в 6 глав, примечателен целым рядом моментов.

Прежде всего, Закон юридически закрепляет за Коммунистической партией Китая (КПК) «единое и централизованное руководство внешнеполитической деятельностью» страны (статья 5 главы 1), подтверждая общую тенденцию жизни КНР последних лет по усилению партийного руководства и контроля. Не случайно ниже в статье 9 конкретизируется главенствующая роль «руководящего органа ЦК

КПК по внешним/иностранным делам», который отвечает за «принятие внешнеполитических решений и координацию в целом иностранных дел, за разработку, руководство и осуществление внешнеполитической стратегии».

Сама формулировка «руководящий орган» носит широкий, внешне расплывчатый характер. Это сделано намеренно с тем, чтобы не менять закон в случае изменения названия соответствующего партийного органа. Напомним, что с 2014 по 2018 г. высший партийный орган ЦК КПК по внешним сношениям назывался «Руководящая группа ЦК КПК по иностранным делам», с 2018 г. он называется «Комиссия ЦК КПК по иностранным делам» (возглавляет Комиссию Си Цзиньпин, непосредственной работой руководит Ван И — заведующий ее Канцелярией).

Статья 3 главы 1 практически повторяет соответствующее положение Устава КПК о том, что КНР «в развитии международных отношений и содействии дружественным обменам руководствуется марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, важными идеями «трех представительств», научной концепцией развития и идеями Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи».

В статье 4 главы 1 перечислены известные еще со времен Конференции в Бандунге (1954 г.) «пять принципов» внешней политики КНР: «взаимное ненападение, взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование».

Примечательна статья 17 главы 3, в которой подчеркивается, что «в развитии внешних сношений КНР руководствуется необходимостью защиты социалистического строя с китайской спецификой, защиты национального суверенитета, единства и территориальной целостности, задачами социально-экономического развития страны». Таким образом, уже с самого начала подчеркивается, что в контексте внешней обстановки узловым приоритетом Китая служат его национальные интересы.

В статье 18 повторяется традиционное деление всех стран на три группы (крупные державы, соседние государства, развивающиеся страны). При этом, с крупными державами акцент делается на «координацию и позитивное взаимодействие»; с соседними — на добрососедство, «лояльность и терпимость»; с развивающимися — на «единство», основанное на «искренности и честности», «справедливости и долге».

В статье 19 говорится о том, что КНР «защищает международную систему, ядром которой является Организация Объединенных Наций, международный порядок, основанный на международном праве, и базовые нормы международных отношений, основанные на целях и принципах Устава ООН». При этом КНР привержена концепции, «предусматривающей широкие консультации, совместный вклад и общую выгоду, участвует в формулировании международных правил, содействует демократизации международных отношений и развитию экономической глобализации». Как постоянный член Совбеза ООН (ст. 20), КНР «поддерживает международный мир и безопасность», в том числе укрепляет «международную систему контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения, выступает против гонки вооружений, отвергает и запрещает все виды деятельности, связанной с распространением ОМУ».

Обращает на себя внимание китайская формулировка вопроса прав человека. В статье 22 говорится о том, что КНР «уважает и защищает права человека, придерживается принципа универсальности прав человека». При этом уточняется, что Китай действует «в сочетании с конкретными условиями каждой страны, способствует всестороннему и скоординированному развитию прав человека, осуществляет сотрудничество в области прав человека на основе равенства и взаимного уважения, а также «способствует здоровому развитию международного дела прав человека».

В Законе (статья 26) особо подчеркивается, что КНР «настаивает на поощрении открытости внешнему миру на высоком уровне, развитии внешней торговли, активном поощрении и правовой защите иностранных инвестиций и другого внешнеэкономического сотрудничества, поддержании системы многосторонней торговли, противодействию односторонности и протекционизму и содействии построению открытой мировой экономики». В этом контексте упоминается и китайская Инициатива «Пояса и Пути». При этом КНР, «предоставляя помощь зарубежным партнерам, уважает их суверенитет, не вмешивается в их внутренние дела и не выдвигает дополнительных политических условий» (статья 27).

В 4-й главе, озаглавленной как «Система внешних сношений», а также в статьях 29—30 говорится о том, как государство «координирует применение внутреннего и внешнего права». Нужно иметь в виду, что в КНР никогда на конституционном уровне не было закреплено верховенство международного права над национальным, что еще раз подчеркивается и в упомянутых статьях. Речь идет лишь о том, что

КНР будет согласовывать внутреннее законодательство с «тем зарубежным законодательством, которое затрагивает внешние сношения», будет дополнять свою правовую систему «с учетом внешних изменений». Иными словами, верховенства иностранного права Китай не допускает, если и присоединяется к международным конвенциям, то подписывает, ратифицирует их лишь тогда, когда полностью оговаривает, какие положения он намерен выполнять, а какие — нет.

Актуальна статья 33, которая, исходя из своей смысловой сути, может рассматриваться в контексте реагирования на объявляемые против КНР внешние санкции. Статья предусматривает возможность принятия Китаем контрмер в случае «действий, нарушающих международное право и угрожающих суверенитету, безопасности и интересам развития» КНР. Конкретный механизм таких контрмер в Законе не прописан, но подчеркивается, что принятые в этом случае решения «являются окончательными». Важно, что в новом законе говорится именно о «контрмерах», что означает, что КНР рассматривает их как действия подчеркнуто «ответного» характера. Примером могут служить тарифные пошлины на американский импорт, введенные Китаем лишь после того, как США в 2018 г. году инициативно ввели их в отношении КНР.

Закон также излагает позицию Китая в отношении иностранных граждан, заявляя, что КНР «защищает законные права и интересы иностранцев и иностранных организаций в Китае». При этом иностранцы и иностранные организации «должны соблюдать китайские законы и не должны ставить под угрозу национальную безопасность Китая, наносить ущерб общественным интересам или нарушать общественный порядок».

Кроме того, Пекин будет принимать легальные меры для «защиты безопасности, прав и интересов китайских граждан и организаций за границей», а также для защиты зарубежных интересов КНР от любых угроз.

В пятой главе подтверждается приверженность КНР своим международным обязательствам, включая всеобъемлющую систему гарантий в области иностранных дел, провозглашается намерение укреплять и развивать международные отношения при одновременной защите национальных интересов.

Следует отметить, что ряд положений нового Закона КНР, в том числе в части фундаментальных принципов построения и целей внешней политики, имеет сходство с подходами, содержащимися в принятой недавно новой редакции российской Концепции внешней политики.

Как и новый закон КНР, Концепция выступает против политики гегемонии и односторонних санкций, вмешательства во внутренние дела суверенных государств, попыток обесценить роль ООН и международно-правовых институтов; аналогичным образом российский документ призывает к неделимости безопасности, развитию сотрудничества между странами и обеспечению их устойчивого развития, признанию и сохранению многообразия культур и цивилизаций.

Учитывая законодательное закрепление геополитических взглядов лидеров РФ и КНР в указанных нормативно-правовых актах, одним из приоритетных направлений российско-китайского двустороннего и многостороннего сотрудничества могло бы стать продвижение соответствующих концепций на площадках ООН, ШОС, БРИКС и других форматах с участием стран Глобального Юга.

Такому продвижению может способствовать создание международных исследовательских центров и неправительственных организаций, специализирующихся на изучении и лоббировании изложенных в новом законе китайских глобальных инициатив и перекликающихся с ними положений российской Концепции, а также выдвижения исков и претензий в международные инстанции на предмет оспаривания односторонних санкций.